

ГАЛИНА ЗАСУХИНА-ПЕТРЯНОВА

ЧТО Я ЕЩЁ МОГУ СДЕЛАТЬ ДЛЯ ЛЮДЕЙ?

К 110-летию со дня рождения академика И. В. Петрянова-Соколова

По телевидению ежедневно показывают коррупционеров-чиновников, убийц, воров в законе, которых наконец-то поймали. Многих знаем в лицо, нам демонстрируют, какие у них дворцы, квартиры, дачи, ювелирные украшения, нам даже известно, какими болезнями они болеют. “Героя” показывают многократно, наверное, чтобы мы его лучше запомнили. О госпоже Васильевой из оборонного ведомства, при которой пропали миллионы рублей, сообщалось, какие картины она пишет, какие стихи сочиняет, находясь под следствием не в СИЗО, а в своей шикарной квартире. Одним словом, героями нашего телевидения становятся люди, незаконно приобретающие богатства, многократно превышающие их потребности, да и вообще все разумные пределы даже для общества бесконечного потребления.

Однако всегда были и есть те, кто стремится сделать как можно больше для людей. К ним принадлежал академик И. В. Петрянов-Соколов. Его профессиональная деятельность была связана с созданием фильтрующих материалов, которые получили название фильтры Петрянова (ФП). На основе ФП был сделан противогаз, которым была оснащена наша армия во время войны. ФП оборудованы атомные станции, благодаря чему они являются экологически чистыми и безопасными. ФП используются на химических производствах, в палатах для аллергиков, в помещениях для производства вакцин, даже в Оружейной палате и в Театре кукол им. С. В. Образцова, чтобы пыль не проникла в экспонаты. Наконец, “Лепесток”, сделанный на основе ФП, широко применялся во время Чернобыльской аварии. И в настоящее время это изделие выпускается миллионами экземпляров. “Лепесток” может служить идеальной защитой людей в период эпидемии гриппа и других респираторных заболеваний, передающихся воздушно-капельным путём.

Таким же важным делом, как охрана здоровья людей и окружающей среды, Игорь Васильевич считал общественную деятельность — необходимость защиты Памятников Отечества. В 1966 году он был одним из создателей Всероссийского Общества охраны памятников культуры (ВООПИК). Когда просили защитить какой-либо памятник, подписать письмо “наверх”, Игорь Васильевич писал не только о культурно-исторической ценности, но и об экономическом ущербе, который может быть нанесён потерей этого объекта. Игорь Васильевич стал одним из первых председателей Общества книголюбов, в котором был и музей миниатюрной книги, и музей экслибриса с постоянно меняющи-

мися выставками. По линии этого общества Игорь Васильевич бывал в разных странах, республиках и городах Советского Союза, где говорил горячо и искренне о роли книги в формировании человека, о необходимости всегда быть рядом с книгой.

Он не мог оставаться равнодушным, когда речь шла о строительстве Байкальского бумажного комбината или о повороте северных рек.

Помогать людям – было главным для него. Он постоянно хлопотал о квартирах для сотрудников, кого-то устраивал в больницу, кому-то доставал нужные лекарства, не говоря уже о том, чтобы делать необходимое для родного института, в котором он проработал со дня окончания университета до конца жизни. Он никогда не покупал ни дачи, ни машины. Все комнаты и коридор его небольшой квартиры от пола до потолка заставлены полками с книгами, которые он собирал всю жизнь и читал, читал, читал.

Его деятельность была по достоинству оценена советским руководством: он был Героем Социалистического Труда, у него было 3 ордена Ленина и ряд других орденов и медалей. Он был лауреатом Ленинской и дважды лауреатом Государственной премии.

Участие в атомном проекте

Атомный проект – это пример глубочайшего понимания государством роли науки в реализации поставленной цели, показатель возможности собрать учёных разных учреждений и направлений для организации и решения государственных задач в кратчайшие сроки, способность найти огромные средства в ситуации, когда они жизненно необходимы. Объясню последнее. “Распоряжение № 2352сс по организации работ по урану” было подписано И. Сталиным 28.09.1942 года и направлено в Академию наук СССР. На эту тему опубликована великолепная статья А. Абрамычева в журнале “Наш современник” (2016 год, № 7), в которой изложены основные этапы осуществления атомного проекта, назван ряд фамилий, процитировано высказывание Президента США Дж. Кеннеди в 1961 году, после полёта Гагарина в космос: “Победило советское образование”. Остаётся только сожалеть, что сегодня, мягко говоря, и образование стало другим, и наука оказалась невостребованной.

Остановлюсь только на двух фрагментах участия Игоря Васильевича и его учеников в атомном проекте. Перед коллективом института в 1947–1948 годах И. В. Курчатовым была поставлена задача анализа состава радиоактивных аэрозолей, образующихся в облаке ядерного взрыва. Необходимо было разработать не только метод анализа, но и отбора аэродисперсной фазы из огромных объёмов радиоактивного облака на любых высотах без нарушения соотношения между концентрациями изотопов, образовавшихся при взрыве и последующем распылении (Б. И. Огородников. Вестник Российской Академии наук. 2011, 81, № 2). Перед взрывом первой советской атомной бомбы на Семипалатинском полигоне в 1949 году были оборудованы пять радиоуправляемых самолётов, на каждом крыле которых находились гондолы, оснащённые фильтрами Петрянова (ФП). Однако оптимально решить эту задачу удалось только в 1951 году на том же полигоне. Пробы были взяты, и фильтрующий материал поступил в радиохимическую лабораторию. Так заработал аэрозольный метод контроля ядерных взрывов. Затем уже были разработаны методы анализа данных подводных ядерных взрывов на полигоне на Новой Земле.

Лаконичное изложение не может, конечно, отразить огромный объём работ как по созданию и отбору наиболее эффективных ФП, так и методов доставки материала из радиоактивного облака. Эти разработки позволили, например, в 1952 году провести анализ проб воздуха после американского термоядерного взрыва и дать информацию о материалах, входящих в состав бомбы, а также о зарубежных ядерных взрывах в различных точках нашей планеты, в том числе и в стратосфере. Игорь Васильевич рассказывал мне, что финансирование этих работ осуществлялось по первому требованию учёных в пределах суток, хотя все эти исследования проводили в военные и послевоенные годы, когда страна нуждалась в восстановлении разрушенной фашистами европейской части СССР.

Второй фрагмент при выполнении Игорем Васильевичем и его коллективом советского атомного проекта касается создания аналитических фильтров и фильтрующих лент, которые стали определяющим элементом в ядерном

приборостроении. В 1960-х годах были разработаны и внедрены многие средства не только для контроля, но и для улавливания радиоактивных изотопов и газов, что позволило считать атомные станции экологически безопасными. Под руководством Игоря Васильевича и его коллег были разработаны основы производства для безопасного выполнения работ с химическими, в том числе токсическими веществами. На предприятиях ядерного цикла им впервые была осуществлена зональная планировка, которая теперь является основой проектирования и строительства предприятий, занятых производством, переработкой и использованием радиоактивных веществ. Это заводы, ФЭС, корабли и подводные лодки с ядерно-энергетическими установками, лаборатории и т. п. Принципы стерегущей защиты, газгольдерная система обеспечивали при радиоактивном распаде улавливание аэрозолей в высокоэффективных фильтрах. Все эти принципиально новые подходы сделали возможным снижение выброса радиоактивных веществ до уровня ниже предельно допустимых в сотни и тысячи раз.

Атомный проект – это яркий пример быстреего решения задач государственной безопасности учёными. Игорь Васильевич всю свою жизнь посвятил проблемам защиты человека и окружающей среды и никогда не работал в области создания оружия, связанного с гибелью людей. Это была его принципиальная позиция.

Идея безотходной технологии

Игорь Васильевич совместно с академиком Н. Н. Семёновым в 1961 году выдвинул идею безотходной технологии. Вначале её не просто приняли “в штыки”, а даже признавали полностью утопической. Однако время расставило свои акценты: от принятия в нашей стране закона “Об охране природы и рациональном использовании природных ресурсов” до принятия в 1979 году в Женеве, на совещании всех европейских стран, а также США и Канады “Декларации о малоотходной и безотходной технологии и использовании отходов”.

Игорь Васильевич доказывал: для удовлетворения потребностей людей ежегодно добываются миллионы тонн минерального сырья, но из этого количества используется только два процента, остальное в искажённом виде выбрасывается в окружающую среду. Он считал, что в мире накопилось примерно 200–300 миллиардов тонн такого ненужного сырья. При этом в своих расчётах Игорь Васильевич учитывал и воду, и воздух, которые используются при добыче нужного материала. Что касается воздуха, то Игорь Васильевич установил, что степень увеличения промышленного производства за период в 8–10 лет коррелировала со степенью загрязнения воздушного бассейна, то есть если за век прошло 10–12 таких периодов, то соответствующее загрязнение воздуха возросло более чем в 1000 раз. Если такая тенденция сохранится в XXI веке, то пройдёт ещё 10 периодов, и загрязнение воздуха увеличится уже в 1 млн раз! Он не предлагал срочно переоборудовать существующие производства, понимая, что это сделать невозможно, а предлагал строить новые только на основе рациональной переработки промышленных отходов в полезные продукты, то есть перейти на безотходную технологию. Игорь Васильевич показал, что осуществление принципа безотходной технологии приводит не только к охране природы, получению других полезных продуктов, но и к значительному экономическому эффекту. Он понимал, что для осуществления этого принципа в практике промышленного производства потребуется много времени, сил и энергии, но главное – изменение мышления людей: необходима экологическая воспитанность. Бережное отношение к природе, пронизанность любого образовательного процесса экологическим мышлением Игорь Васильевич считал обязательным компонентом воспитания человека, начиная с детского сада! Поддерживая принцип безотходной технологии, в 1984 году Игорь Васильевич опубликовал статью “И цикл замкнулся” о работе Уралцемента: “Разработка и широкое промышленное внедрение замкнутой безотходной системы высокоэффективной очистки и рециркуляции воздуха в корпусах обогащения асбестовых горнообогатительных комбинатов”, представленную на Государственную премию.

В настоящее время идея безотходной технологии признана мировым обществом.

ВООПИК

Сразу после революции в 1918 году Максим Горький предложил создать комиссию по охране памятников. В. И. Ленин в 1918 году выделил средства для приобретения самых необходимых материалов для спасения ряда соборов в Ярославле, пострадавших во время подавления мятежа в этом городе, и послал в Ярославль архитектора-реставратора П. Д. Барановского. Эти факты указывают на то, что сразу после Революции идея охраны памятников возникла неоднократно. Пакт Рериха подготовил основу международной правовой защиты объектов культуры как в мирное, так и в военное время. В 1948 году вышло постановление Совета Министров СССР № 3698 за подписью И. В. Сталина “О мерах улучшения охраны памятников культуры”* . Отмечено, что первые нормативные документы составлялись И. Э. Грабарём и П. Д. Барановским. Появились подвижники этого движения, во главе которого в последующие годы стояли деятели научной-технической и культурной интеллигенции: авиаконструкторы О. К. Антонов и А. Н. Туполев, певец И. С. Козловский, художники П. Д. Корин и Н. А. Пластов, космонавт А. Леонов и др.

В июле 1965 года было принято решение о создании ВООПИКа. В мае 1966 года состоялся учредительный съезд, на котором был принят Устав Общества. В его Президиум вошли Л. Леонов, Б. Рыбаков, В. Янин, В. Севастьянов, Г. Орлов, И. Петрянов-Соколов, Д. Лихачёв, И. Глазунов, Н. Пластов и др. Председателем ВООПИКа стал зампредела Совета Министров РСФСР В. Кочемасов. Знаменательно, что одна из первых встреч Кочемасова была с Патриархом Алексием I, который согласился через ВООПИК осуществлять финансирование работ по целевой реставрации некоторых храмов (например, Успенского собора во Владимире). Трудно охватить огромный объём и разнообразие деятельности этой организации, которая поддерживала создание “Золотого кольца”, подготовила список нуждающихся в реставрации исторических городов, начала планомерное обследование севера европейской части СССР, проводила работы по реставрации мемориальных усадеб: Хмелиты А. С. Грибоедова, Спасского-Лутовинова И. С. Тургенева, Константинова С. Есенина и др. В отношении Ясной Поляны Общество было вынуждено обратиться за помощью к Союзному правительству.

К 1970 году членами Общества были 14 млн человек, на взносы которых и осуществлялись многие проекты. В фонд охраны памятников, созданный при Обществе, постоянно поступали пожертвования, благотворительные взносы как от организаций, так и от многих людей. С 1980 года стал выходить альманах “Памятники отечества” (тираж 50 тысяч экземпляров), председателем редакционного совета которого стал И. В. Петрянов-Соколов. В редакционный совет входили Д. А. Жуков, В. Н. Иванов, И. С. Глазунов, Д. С. Лихачёв, Л. М. Леонов, Н. А. Пластов, Б. А. Рыбаков, В. Л. Янин и др.

Отдельные моменты деятельности Игоря Васильевича по сохранению культурного наследия будут описаны ниже, но невозможно охватить разнонаправленность и объём этой работы, в которую можно включить массу выступлений (например, в Знаменском соборе в Москве, который после реставрации был Домом пропаганды ВООПИК), встреч с общественностью и выступления по радио и телевидению (в г. Новосибирске и др.) и т. п. Именно в Знаменском соборе я впервые услышала потрясающее выступление замечательного хора В. Минина, с которым Игорь Васильевич меня тут же познакомил. В Церкви Святого Власия много лет выступал оркестр народных инструментов “Боян” под руководством народного артиста СССР И. Полетаева, который исполнял русскую народную музыку.

Несмотря на смутные 90-е годы, Общество сохранилось и в те времена, когда многие организации, как, например, Всесоюзное общество “Знание”, закончили свою работу.

В настоящее время ВООПИК успешно продолжает свою благородную деятельность, председателю ВООПИКа Г. И. Маланичевой четыре года назад была присуждена Государственная премия РФ. Общество объединяет бескорыстных подвижников-энтузиастов, которые ранее боролись с невежеством

* Здесь и далее изложено по книге Г. И. Маланичевой и В. А. Ливцова “Этапы истории ВООПИК (К 50-летию образования)” – Орел, 2016.

ными чиновниками, а теперь не только с ними, но и с обладателями огромных денег. Одной из побед Общества за последние годы можно считать запрет на строительство гигантской башни Газпрома в Санкт-Петербурге. Невозможно подсчитать количество бумаг, совещаний, привлечений авторитетных людей и организаций, включая ЮНЕСКО, которые, в конечном счёте, помогли решению этого вопроса. Пять лет назад Игорь Васильевич посмертно был награжден специальной премией ВООПиКа “Хранители наследия”.

Являясь членом Президиума ВООПиКа, я считаю невероятной трудной опережение всех многоплановых аспектов деятельности нашей организации, направленной на сохранение культуры нашего народа в самом широком смысле этого слова.

Фрески Дионисия

Как-то раз к Игорю Васильевичу домой пришла взволнованная женщина-искусствовед и стала умолять его спасти фрески Дионисия в Ферапонтовом монастыре, что в Вологодской области. В церкви протекла крыша, бесценные фрески мокнут и разрушаются, а денег на ремонт нет. В общем, обычная история. “Надежда только на Вас!” – было сказано со слезами на глазах. Игорь Васильевич растерянно ответил, что сейчас не то время, когда можно получить деньги на ремонт храма, даже если в нем есть фрески Дионисия. Он ничего не обещал, но стал думать, как помочь. И, конечно, придумал. Во время деловой поездки в Ленинград Игорь Васильевич зашёл к директору Эрмитажа Б. Б. Пиотровскому, с которым был в добрых отношениях. Поговорив на общие темы, он спросил, сколько стоит квадратный метр фресок Дионисия. Борис Борисович онемел от изумления. Выждав минуту, Игорь Васильевич рассказал историю с фресками и объяснил, что собирается идти в ЦК КПСС по своим научным делам, а заодно попытается убедить начальство найти деньги на ремонт храма. Но для этого надо знать примерную стоимость фресок по мировым стандартам. Посоветовавшись, друзья решили, что надо найти эквивалент в мировой живописи того же времени. Остановились на Джотто. Посмотрели в каталогах страховочную стоимость картин Джотто и, исходя из этого, определили цену фресок Ферапонтова монастыря. Цифра получилась внушительная.

Когда в соответствующем отделе ЦК было сказано, что пропадают бесценные сокровища на баснословную сумму, вопрос был решён в течение двух недель, и крышу отремонтировали. Благодаря этому фрески Дионисия радуют нас и по сей день.

Спасение дома В. И. Даля

Дом В. И. Даля решили снести. Разные общественные организации трагитали массу времени, чтобы дом уцелел. Всё было напрасно. Ведомственные интересы Министерства геологии СССР были выше сохранения драгоценного памятника, уцелевшего после пожара Москвы 1812 года, обгоревшего при битве за Москву, возраст которого – более полутора сотен лет. Передо мной копия письма, написанного Игорем Васильевичем XXIV съезду КПСС – последней из возможных инстанций. Кратко рассказывается связанная с русской культурой история дома, в котором жили основоположник русского языковедения В. И. Даль – друг Пушкина (А. С. Пушкин скончался у него на руках), академик архитектуры, первооткрыватель русского деревянного зодчества Л. В. Даль, писатель П. И. Мельников-Печерский (автор эпопеи “В лесах” и “На горах”), всемирно известный учёный, создатель теории строения химических соединений А. М. Бутлеров. Стены этого дома хранят память об Аксакове, Одоевском, Лескове, Хомякове и других знаменитых деятелях русской литературы. Самый важный аргумент был припасён в конце письма: точные расчёты показали, что реставрация и снос дома будут стоить примерно одинаково, но в случае реставрации Москва получит 600 кв. м полезной площади. Попытка сноса этого здания является вопиющим примером бесхозяйственности, сохранность здания – 90%, стоимость восстановления – 103 тысячи рублей, снос здания с вывозом стройматериалов и благоустройством обойдётся в 100 тыс. руб. Рукой Игоря Васильевича приведены все расчёты. Доводы Игоря Васильевича победили, и дом был спасён.

Возрождение Казанского собора на Красной площади

День рождения Игоря Васильевича в 1988 году праздновали в храме Святого Власия в Гагаринском переулке. Выступления друзей сменялись русской народной музыкой в исполнении прекрасного, горячо любимого Игорем Васильевичем оркестра “Боян” под руководством народного артиста СССР А. И. Полетаева.

На сцену поднимается архитектор О. Журин и дарит Игорю Васильевичу картину-реконструкцию Казанского собора, которая была создана архитектором Г. Мокеевым и подарена П. Д. Барановскому – знаменитому архитектору-реставратору. Теперь эту картину вручают Игорю Васильевичу с горячей просьбой – содействовать возрождению Казанского собора на Красной площади, выполнить мечту-завещание П. Д. Барановского. Игорь Васильевич растерян – такое наследство от Петра Дмитриевича, и как же немислимо трудно что-либо сделать!

Немного истории. Казанский собор был построен на пожертвования князя Пожарского и его воинов в честь Казанской иконы Божьей Матери, с которой они победили поляков в смутное время 1612 года. Храм был освящён в 1633 году и почитался как символ русской воинской славы. При Екатерине Великой храм претерпел многие изменения не в лучшую сторону. Знаменитый “огненный” архитектурный стиль был заменен на безликую белую окраску, упрощены некоторые архитектурные детали. П. Д. Барановский решил сделать всё для воссоздания храма в прежнем облике. Рано-рано утром привязывал себя к кресту собора, делал замеры, угадывая очертания переделанных древних кокошников, сводов. Он мечтал показать людям истинную красоту древнего храма. Но, увы! В 1937 году он увидел уничтожение Казанского собора. Остался только фундамент. Всю жизнь он мечтал возродить храм, ведь у него были все замеры, чертежи, и главное – мечта!

И вот Игорь Васильевич стал во главе общественной комиссии по возрождению собора. Долго он не знал, что делать, с чего и как начать, к кому из высокого начальства обратиться... Однажды по своим научным делам ему нужно было пойти к члену Политбюро ЦК КПСС В. Медведеву. Дома он упаковал картину и сказал, что будет пытаться убедить Медведева возродить храм. Окончив деловую часть разговора о науке, Игорь Васильевич стал разворачивать картину, а Медведев с помощниками с любопытством наблюдали за его действиями (подношения и взятки в те времена не были приняты). Изумлению присутствующих не было предела: на картине сиял храм! Игорь Васильевич рассказал историю его создания и гибели, пояснил, как много бы значило для Отечества возрождение именно этого собора на Красной площади. В. Медведев усомнился в финансовых возможностях (денег в государстве не очень много) и спросил о примерной стоимости всех работ. Игорь Васильевич ответил, что цена примерно равна стоимости одного жилого дома – около 1,5 млн рублей (совсем старых, дорогих рублей!). Через 10 дней позвонили из ЦК КПСС и сообщили, что действительно стоимость этого сооружения соответствует названной им цифре и принято решение о возрождении храма.

Игорь Васильевич и его сподвижники были счастливы: будет собор и будет исполнена мечта-завещание П. Д. Барановского!

Между прочим, в наше время принято ругать всё прошлое, а уж в особенности КПСС. Но нужно быть справедливым. Игорь Васильевич был беспартийным, но всегда мог попасть в любой отдел ЦК, не то что к теперешним недоступным, тщательно охраняемым начальникам. Если были какие-то просьбы, то ответ на них приходил быстро, а решения выполнялись.

1 апреля 1990 года в “Правде” была опубликована статья “А храм пылал в полнеба...”, в которой говорилось о начале работ по возрождению Казанского собора. Через полгода состоялось Патриаршее Богослужение по случаю закладки камня воссоздаваемого Казанского собора и начала сбора пожертвований. А вечером мы с Игорем Васильевичем были приглашены на приём в Патриаршую резиденцию Свято-Даниловского монастыря по поводу этого торжественного события, на котором, кроме нас, было ещё 3 гражданских лица, остальные – иерархи.

Сейчас все могут видеть великолепное сооружение – Казанский собор на Красной площади – воплощенную мечту П. Д. Барановского и И. В. Петрянова. Однако внутри храма висит доска, на которой написано, что восстановление шло по инициативе президента Б. Н. Ельцина и мэра Г. Х. Попова. Архи-

текторы Виноградов и Журин, которые восстанавливали храм, показали Игорю Васильевичу эту доску с извинениями за “неправду”, но Игорь Васильевич только улыбнулся: главное – храм стоит, а остальное неважно!

Каждая дорога должна вести к храму

Если стоять на Октябрьской площади и смотреть вдоль улицы Большая Якиманка, то открывается замечательный вид на Кремлёвские златоглавые соборы и колокольню Ивана Великого. А этого могло бы и не быть, если бы Игорь Васильевич и ещё несколько неравнодушных людей не написали письмо в “компетентные органы” с убедительной просьбой не строить корпуса правительственной гостиницы. В настоящее время построен только Президент-отель, а другие два корпуса остались малоэтажными. Если бы они были построены, как планировалось, Кремля не было бы видно. А ведь это дорога от главных ворот Москвы – Внуковского аэропорта, по которой проезжают все наши высокие гости. В те времена разумные доводы были услышаны, и гости уже издалека могут видеть величие Кремля.

Всесоюзное Общество любителей книги Книги в его жизни

*Мой кров — убог. И времена — суровы.
Но полки книг возносятся стеной.
Тут по ночам беседуют со мной
Историки, поэты, богословы...*

М. Волошин

Для Игоря Васильевича Петрянова-Соколова чтение книг было образом жизни. Он читал каждую свободную минуту, начиная от необходимых научных статей, популярных очерков на научные темы, которые ему пачками присылали для журнала “Химия и жизнь” (создателем и главным редактором этого журнала Игорь Васильевич был до конца своих дней), включая что-то любимое, многократно прочитанное, и заключая случайно подвернувшейся книгой. У Игоря Васильевича была прекрасная память, поэтому он помнил прочитанное давным-давно, а любимые выдержки мог цитировать почти дословно. Стихов он знал несметное количество. Мог целый вечер читать А. Пушкина, или Н. Гумилёва, или А. Блока. Самое интересное, что он помнил и читал разные версии того или иного стихотворения. В. О. Осипов (автор книги о М. Шолохове из серии ЖЗЛ, в прошлом главный редактор издательства “Молодая гвардия”; лауреат Шолоховской премии) в своей книге “Корифеи моего времени” (издательство “Русский раритет”, 2013) в разделе об Игоре Васильевиче “Химик + лирик + просветитель” описал, что он как-то показал Игорю Васильевичу ксерокопию страницы “Литературной газеты” с отрывками из “Евгения Онегина”. Игорь Васильевич произнёс: “Эта вот строфа в окончательной редакции звучит чуть иначе”. И продекламировал её по памяти.

Игорь Васильевич не только знал, но и прекрасно читал стихи. В. Захарченко (многолетний главный редактор журнала “Техника – молодежи”, а потом – “Чудеса и приключения”) как-то рассказал мне, как однажды они с Игорем Васильевичем в Ленинграде пошли вместе ужинать в ресторан, и к ним подсел его знакомый. В разговоре зашла речь о поэзии, и Захарченко попросил Игоря Васильевича прочитать что-нибудь. Это “что-нибудь” вылилось в коктейль из самых разных русских и зарубежных поэтов. Знакомый был потрясён не только количеством стихов, но и профессионализмом чтения. Оказалось, что этот знакомый – В. Ливанов.

Естественно, что Игорь Васильевич всю жизнь собирал книги и читал их. Вспоминается Л. Толстой: “Для чего читают люди, для чего они дают деньги на книги? Люди хотят быть счастливы”. Думаю, что постоянное общение с книгами делало и Игоря Васильевича счастливым.

Вот эта неугасимая любовь к книгам и привела Игоря Васильевича в Общество книголюбов. В. Шкловский как-то очень удачно сказал: “Я вижу, что не только вы собрали книги, но и книги собрали вас...” В Обществе книголюбов Игорь Васильевич увидел прекрасных, преданных книге и посвятивших себя просвещению людей. Он как-то сразу подружился с С. Г. Шуваловым и И. А. Котомкиным, самые тёплые чувства к которым пронёс через всю свою

жизнь. В Общество входило 16 млн членов. Съезды Общества собирали огромное количество людей, с трудом вмещавшихся в Колонный зал Дома Союзов. У меня есть фотография, на которой показан Президиум съезда, не менее 30 человек из разных республик, партийных и советских органов. Игорь Васильевич по линии Общества бывал в Болгарии, Молдавии – трудно перечислить все посещаемые им “книжкины праздники”.

Мне хочется остановиться на двух моментах. Прежде всего, Игорю Васильевичу с его верными друзьями-книголюбями удалось сохранить Общество. Ныне оно превратилось в Международный союз, на пленумы которого приезжают люди не только из наших бывших республик – Азербайджана, Киргизии, Эстонии, – но даже из Великобритании. Это, безусловно, связано с энтузиастами, которых всегда объединяла любовь к книге, а не политическая конъюнктура. Правда, теперь следует добавлять – любовь к хорошей книге потому, что в последнее время появились книги, которые читать или противно, или стыдно. Игорь Васильевич был истинным защитником книги. Однажды в Художественном театре им. М. Горького отмечали юбилей Государственной библиотеки (тогда им. В. И. Ленина). Игорь Васильевич смиренно сидел в Президиуме. Выступала тогдашний замминистра культуры РФ госпожа Т. Никитина (“бардовая певица”) и говорила, что в свои молодые годы часто ходила в Ленинку, а теперь можно не ходить, потому что книги заменены телевизором, видеофильмами и т. п. После этого слова попросил Игорь Васильевич. Можно себе представить, как и что он говорил, как защищал книгу от невежества, если зрительный зал, состоящий в основном из библиотечных работников, практически бескорыстно выполняющих свою нелёгкую работу, устроил ему овацию.

Поворот северных рек

Куда только не ходил Игорь Васильевич, пытаюсь доказать, что гигантские деньги, выделенные на бредовый поворот северных рек, пропадут напрасно, что поворот приведёт к непредсказуемым и непредсказуемым необратимым последствиям! К предсказуемым, в частности, относилась страшная участь Вологодской области, которая должна была превратиться в болота и топи, среди которых окажутся Кирилло-Белозёрский и Ферапонтов монастыри. Кроме того, Игорь Васильевич рассчитал, что объём воды из северных рек, переброшенный в южные области, почти полностью будет испаряться, так как на юге климат жаркий. Но, несмотря на все возражения против этого безумного плана, проектирование неумолимо продолжалось. Иногда вместе с Игорем Васильевичем, иногда независимо от него абсурдность этой идеи пытался доказать академик А. Л. Яншин, вице-президент АН СССР. Академик Д. С. Лихачёв тоже относился к активным противникам этого проекта. Писатели С. Залыгин, В. Белов писали об ужасных последствиях его реализации в журналах “Новый мир”, “Наш современник”, в газете “Советская Россия”. Всё было тщетно. Тогда мы с Игорем Васильевичем решили поехать в Вологду, поговорить с местным начальством. Председатель облисполкома оказался очень приятным, по-настоящему образованным человеком. Его не надо было убеждать в очевидном. Он всё понимал, тоже побывал во всех высоких инстанциях, но ничего не получалось. Но капля и камень долбит. Не знаю, что случилось, но, к счастью, проект спустили на тормозах и тихо похоронили. Не знаю, произошло бы это, если бы Игорь Васильевич и его единомышленники промолчали и не пытались переломить ситуацию.

Принципы, которым он никогда не изменял

Книга воспоминаний об Игоре Васильевиче опубликована в серии “Творцы ядерного века” (1998). Однако в отличие от большинства учёных-творцов ядерного века, он никогда не принимал участия в создании каких-либо вида оружия. Он всегда работал только для защиты людей и от атомной энергии, и от вредных химических веществ, и от аллергенов, и от вирусов. Он защищал и исторические памятники, спасал разрушающиеся церкви и фрески, книги и книгохранилища. Одним словом, Игорь Васильевич был защитником.

В эпоху “гайдаровщины”, когда зарплату или вообще не платили, или платили доли того, что мы получали раньше, Игорь Васильевич однажды пришёл с работы воодушевлённый и сказал, что американцы предложили им совместную

работу и будут платить зарплату сотрудникам и ему – руководителю – обещают немалые деньги. Переговоры были на следующий день. Игорь Васильевич вернулся не просто расстроенный, а даже злой, что для него вообще было нехарактерно. Помолчав немного, сказал: “Знаешь, я отказался. Они предложили принять участие в проекте по научным основам использования аэрозолей для распыления веществ. Это же можно использовать для бактериологической и химической войны. Для меня и моего отдела такие работы невозможны”. Естественно, дискуссии по этому вопросу у нас дома не было.

Есть люди, которые целью своей жизни считают карьеру – научную, политическую и т. п. Наверное, в этом нет ничего плохого. Однако пути к достижению вершин бывают разные. Многие выбирают путь безоговорочного согласия с вышестоящим начальством. Несмотря на выгодность такого согласия, Игорь Васильевич никогда не колебался в выборе решений и меньше всего думал о карьере. Честно говоря, карьера его просто не интересовала.

Он рассказывал, что однажды, много лет назад, его и несколько других академиков вызвали в ЦК КПСС (хотя он никогда не был членом партии) для обсуждения строительства целлюлозного комбината на озере Байкал. Он выступил категорически против, аргументированно отстаивая свою точку зрения, объясняя возможные последствия и т. п. Против был и академик А. Д. Сахаров (он написал о своей позиции и мнении Игоря Васильевича в своих воспоминаниях). Другие академики – не хочется называть их фамилии – были дружно за. Некоторые из них после этого стали директорами институтов, членами Президиума Академии и т. п. А Игорь Васильевич попал в опалу. Такая же несгибаемая позиция у него была по поводу строительства ленинградской дамбы. Игорь Васильевич, тщательно изучив проект, дал научно обоснованное отрицательное заключение и опять попал в немилость. И ещё пример – Чернобыльский. Он был приглашён на заседание комиссии Госдумы по Чернобылю. В это время по телевизору нагнетались страхи показом двухголовых телят и других страшных картинок. Игорь Васильевич всю жизнь занимался атомной энергетикой, знания имел глубоко профессиональные и выступил, как и академик Л. А. Ильин (высочайший профессионал в области радиационной биологии), с научной аргументацией против нагнетания страхов. Контраргументом против их выступлений были речи некоторых политических деятелей, главным козырем которых было выражение “А народ думает по-другому...”. На следующий день появилась статья в “Известиях”, где последними словами были обруганы выступления Игоря Васильевича и Л. А. Ильина. В то время выгоднее было занимать другую позицию. Но Игорь Васильевич никогда не изменял своим принципам.

Ленинская премия

В 1965 году Игорь Васильевич и его сотрудники (П. И. Басманов, Н. Б. Борисов, В. И. Козлов, Б. И. Огородников, Б. Ф. Садовский) были представлены к Ленинской премии за научную работу “Технология получения новых фильтрующих материалов и их внедрение в промышленность”. В начале 1966 года, когда в высоких сферах решался этот вопрос, Игоря Васильевича вызвали к одному из ответственных начальников и сообщили ему, что премия будет присуждена, но при одном условии: если Игорь Васильевич среди авторов останется один, как руководитель. Игорь Васильевич сначала даже лишился дара речи. Потом возмущился: как можно присуждать премию одному, если работу выполнял коллектив. Ему, естественно, возражали: он руководитель и т. п. Игорь Васильевич сказал, что в таком случае он решительно отказывается от премии.

Премию дали всем.

В том же году на Ленинскую премию была представлена работа по внедрению живой вакцины против полиомиелита в нашей стране. Авторами были академик АМН СССР М. П. Чумаков (директор Института полиомиелита и вирусных энцефалитов АМН СССР) с сотрудниками и академик АМН СССР А. А. Смородинцев с сотрудниками. Я тогда работала в Институте полиомиелита, и мы все очень радовались, что лауреатами станут наши молодые коллеги (В. А. Лашкевич, С. Г. Дроздов, С. Г. Дзагуров), которые и разработали основы производства живой вакцины, критерии её безопасности и оценки эпидемиологической эффективности. Однако премия в том же 1966 году была присуждена только руководителям – М. П. Чумакову и А. А. Смородинцеву,

с которыми высокое начальство, видимо, имело тот же разговор, что и с Игорем Васильевичем. Я далека от осуждения поступка этих достойнейших людей, но просто в одних и тех же ситуациях разные люди ведут себя неодинаково.

О праздновании 1000-летия Крещения Руси

Как-то в один из дней 1987 года мы с Игорем Васильевичем были в гостях у моего дяди (маминого родного брата) В. Э. Раушенбаха. В гостях также был академик Борис Викторович Раушенбах с женой и дочками. Разговор зашёл о том, что никто ничего не пишет о предстоящей великой дате – 1000-летию Крещения Руси. Несколько слов об академике Б. В. Раушенбахе, который был одним из пионеров отечественной космонавтики. Им была создана система ориентации орбитальных станций, сфотографировавших, в частности, обратную сторону Луны. Борис Викторович разработал математическую теорию перспективы в живописи: им написана книга “Геометрия картины и зрительное восприятие”, в которой, в частности, объясняются особенности изображения в иконописи. Им также написаны замечательные книги “Штрихи к судьбе народа” – о судьбе русских немцев (2000) и “Постскриптум” – удивительно доверительная книга о себе и своей жизни (1999). Уже после его кончины вышла книга “Праздные мысли”, в которую включены его воспоминания об академике С. П. Королёве, Ю. Гагарине и др. Борис Викторович был глубоко верующим человеком, о чём неоднократно говорил в своих выступлениях на ТВ. Об этом недавно написано в прекрасной книге член-корреспондент РАН И. А. Захарова-Гезехуса “Учёные верят в Бога” (2015). Борис Викторович доказал непротиворечивость богословского учения о Святой Троице.

Возвращаясь к нашей встрече с Борисом Викторовичем и его семьёй. Игорь Васильевич был очень рад возможности поговорить о 1000-летию Крещения Руси и неожиданно обратился к Борису Викторовичу со словами, что он – один из немногих, кто мог бы написать о значении этого события для нашего Отечества, и попросил его написать статью о 1000-летию Крещения Руси для публикации в альманахе “Памятники отчества”, председателем редакционного совета которого Игорь Васильевич был с момента основания этого издания. Борис Викторович легко и с удовольствием согласился. Проходит некоторое время, и Раушенбах сообщает, что он не только написал статью, но и показал её какому-то начальнику, который решил немедленно опубликовать её в журнале “Коммунист”, что и было сделано. После этого статья была напечатана и в альманахе. Таким образом, был дан старт для празднования этого великого события. Журналы и газеты захлестнула лавина публикаций на эту тему. Кто-то наверху, наверное, узнал о первоначальных истоках возникновения интереса к этому событию, и в 1988 году Игорь Васильевич в составе делегации вместе с В. Г. Распутиным, В. Н. Крупиным, митрополитом Кириллом (теперь Патриархом), акад. Н. И. Толстым и др. был приглашён в Италию на празднование 1000-летия христианства на Руси.

Главным для него было дело, а не признание заслуг

В 1984 году Игорь Васильевич получил премию Калинги “За популяризацию научных знаний” (Международная премия ЮНЕСКО). Она была не только за популяризацию научных знаний на страницах “Химии и жизни”, но и за огромное число статей, например, в Детской энциклопедии. Очень важной Игорь Васильевич считал серию “Ученые – школьникам”, постоянным редактором которой он был. Благодаря его усилиям было издано более 100 книг, написанных ведущими учёными нашей страны, каждого из которых он уговаривал лично: Е. И. Чазов “Сердце и XX век”, Ф. Г. Углов “Береги здоровье и честь смолоду”, В. Л. Янин “Берестяная почта столетий”. Игорем Васильевичем совместно с Н. Н. Семёновым написана книга “Неведомое на вашу долю”, с Д. Н. Трифоновым – “Великий закон”, без соавторов – “Самое необыкновенное вещество в мире” – о воде. Эта книга была переиздана после его кончины.

После возвращения из Парижа, где вручалась премия ЮНЕСКО, он сказал мне, что необыкновенно расстроился, увидев карту мира, всю испещрённую данными о памятниках под эгидой и охраной ЮНЕСКО. Советский Союз на этой карте выглядел огромным белым пятном. Прошло немного времени, и Игорь Васильевич говорит, что считает своим долгом съездить в московский

офис организации и объяснить им необходимость исправления этой ошибки. Помню, что офис находился на проспекте Калинина (теперь улица Воздвиженка), напротив Дома Дружбы. Я, естественно, ждала его в холле, и когда через час он вернулся, то был очень радостным, сказав, что встретил полное понимание и уверен, что дело сдвинется с мёртвой точки. Действительно, через некоторое время ему сообщили, что Красная площадь внесена в этот замечательный список памятников ЮНЕСКО. Кажется, это был первый прецедент. Мне ничего не известно о том, знает ли кто-нибудь, что Игорь Васильевич был инициатором этой акции, связанной с ЮНЕСКО. Никогда не слышала, чтобы он кому-либо говорил об этом. Для него главным было дело, а о признании заслуг он не заботился.

Второй случай необыкновенной скромности Игоря Васильевича связан с “ядерной зимой”. Понятие “ядерная зима”, которая наступила бы в результате ядерной войны, неразрывно связано с именем академика Никиты Николаевича Моисеева. В 1970–1980 годы на эту тему были телестюды “СССР–США”. Все газеты писали об этом как и о триумфе советских учёных, предсказавших жуткие последствия возможной ядерной войны и наступление “ядерной зимы”, губельной для всего человечества. Игорь Васильевич был в приятельских отношениях с Н. Н. Моисеевым, человеком невероятной энергии, одним из организаторов Эколого-политологического университета, имеющим много заслуг в науке. Он часто с женой бывал у нас дома, так же, как и мы у них. Когда Игорь Васильевич и Николай Николаевич удалялись для беседы, я, естественно, не присутствовала при их разговорах. Но ни один из них мне не говорил о том, что Игорь Васильевич, как и академик Георгий Сергеевич Голицын, был соавтором разработки проблемы “ядерной зимы”. Я узнала об этом только в 2007 году из доклада одного из учеников Игоря Васильевича. И хотя у нас в разговорах эта тема поднималась, Игорь Васильевич скромно умалчивал об участии в научных обоснованиях, послуживших основой для запрещения ядерных испытаний. Повторю: для него главным было дело, а признание его мало интересовало.

Как возникают новые слова

Игорь Васильевич рассказывал, что ФП нашли распространение в самых неожиданных областях. Когда он со своими сотрудниками предложил использовать ФП для “поглощения” шума, не знали, как назвать этот новый маленький агрегат. Вдруг Игорь Васильевич говорит: “Ведь мы это сделали для того, чтобы беречь уши, значит, и назвать нужно – беруши”. Этот термин так прижился, что в аптеке вам спокойно продадут беруши, их предлагают в самолётах, даже если они сделаны без ФП. Авторство, естественно, забыто. Игоря Васильевича это не огорчало, он не стремился к закреплению приоритета. Главное – сделано полезное дело для людей. Привожу цитату из книги В. М. Лейчика “Люди и слова” (издательство “Наука”, 1982): “На основе реализации этой тенденции (телескопические слова: скрепление слов в одно целое автором) появилось оригинальное телескопическое слово “беруши”: так назвали новый аппарат, созданный советским учёным для борьбы с вредным влиянием шума на человеческий организм. Слово “беруши” образовано от предложения-призыва “Берегите уши!”. Теперь это обычное существительное, вроде ножницы, сани и т. п. И оно склоняется, как эти слова: нет берушей, работают с берушами... Это совсем новый способ словообразования, находящийся где-то между аббревиатурой и телескопией”.

Так что Игорь Васильевич не только изобретатель ФП, но и нового русского слова!

“Химия и жизнь” в жизни Петрянова-Соколова

Этот журнал был создан по инициативе академика Н. Н. Семёнова и Игоря Васильевича, который с самого начала существования журнала и до конца своих дней был его главным редактором. Вспоминается несколько случаев, связанных с журналом, но без хронологической последовательности.

Когда М. Б. Черненко решил оставить должность зам. главного редактора журнала, встал вопрос, кто мог бы продолжить “журнальное дело”. Игорь Васильевич рассказал мне, что на собрании коллектива он предложил канди-

датуру Л. Н. Стрельниковой, но главным аргументом против было то, что она находится “в положении”. Игорь Васильевич объяснял, что этот процесс носит временный характер, но победили его противники. Тогда был назначен В. Станцо. В конце концов, Л. Н. Стрельникова после ухода В. Станцо всё же стала зам. редактора, а после кончины Игоря Васильевича – главным редактором журнала, сохранив все традиционные разделы, высокий научно-жизненный уровень, благодаря чему и в наши дни журнал держит высокую планку и интересен не только химикам, но и любителям жизни!

Традиционно в новогодние и другие праздники в редакции проводили вечера, на которые приглашали авторов, читателей и просто хороших людей. Там были и занятые шарады, песни в исполнении Вероники Долиной, и чай, и весёлые шутки.

Сколько времени уделял Игорь Васильевич журналу? Можно ответить на латыни: *Quantum satis* – “Сколько нужно”. Он ходил на все заседания редколлегии и всегда гордился, что в составе редсовета были не только учёные, но и государственные деятели (Первухин, зам. пред. Совета Министров СССР, а также министр химической промышленности и др.), которые, несмотря на постоянную занятость, считали важным для себя присутствовать на обсуждении статей, освещающих последние достижения науки или злободневные вопросы современности.

Когда надо было или хлопотать о помещении для редакции, или решать какие-либо проблемы в высших инстанциях (издательство “Наука”, ЦК КПСС), Игорь Васильевич всегда сам выполнял эти функции. Почти каждый вечер Игорь Васильевич читал рукописи, присланные для печати, что-то одобрял, что-то отклонял. Однажды был такой случай: главный научный сотрудник нашего института (Института общей генетики им. Н. И. Вавилова РАН) профессор А. П. Акифьев написал статью, которую посвятил критическому разбору некоторых аспектов теории Дарвина. Игорь Васильевич спросил моё мнение об этом учёном, с которым меня всегда связывали самые дружеские отношения, который был профессионалом высокого класса, написал прекрасные книги по генетике: не только учебник (в соавторстве с профессорами С. И. Алиханяном и Л. С. Черным), но и книгу для массового читателя “Генетика и судьба”. Между прочим, даря мне эту книгу, Алексей Павлович написал “Галине Дмитриевне с благодарностью за многолетнюю дружбу. Среди этих событий запомнились два: Ваша бескорыстная и самоотверженная помощь в моё трудное время и незабываемая беседа с Игорем Васильевичем, которую Вы устроили. Хранит Господь Вас и Ваших близких”. Игорь Васильевич тогда смущённо сказал мне, что в таком виде он не может рекомендовать статью А. П. Акифьева в журнал. Тогда я предложила Игорю Васильевичу встретиться с Алексеем Петровичем. И вот он у нас дома. Я только слушала, не вмешиваясь в разговор, но с удивлением поняла, что Алексей Петрович, прекрасно выступающий в дискуссиях, имеющий всегда своё мнение по самым сложным вопросам, соглашается со всеми замечаниями и пожеланиями Игоря Васильевича. На следующий день он меня бесконечно благодарил за знакомство с Игорем Васильевичем, удивлялся, как он, физико-химик, так тонко разбирается в вопросах эволюционной биологии, и признался, что все его замечания бесценны и безоговорочно будут приняты.

Когда редакция журнала находилась в подвальном помещении на Ленинском проспекте, Игорь Васильевич один, а иногда два раза в неделю ходил (мы жили рядом) посмотреть рисунки художников. Нужно сказать, что и раньше, и теперь журнал иллюстрирован замечательными “картинками”, иногда смешными и остроумными, но всегда чётко выверенными и подходящими к тексту.

Игорь Васильевич каждый месяц получал корректуру очередного номера. Брал ручку с красными чернилами и выправлял, если нужно, букву или запятую. Поскольку он предварительно читал рукописи, корректуру ему читать было неинтересно, тем более, обладая великолепной памятью, всё наиболее интересное он уже запомнил. Позже, когда наступили в 1990-е годы “смутные” времена, журнал стали печатать в Финляндии. Это оказалось дешевле, чем в подмосковном городе Чехове, так что чтение корректур отпало. Это один из многочисленных парадоксов того (да и, к сожалению, нашего времени!), что очень удивляло, огорчало и возмущало Игоря Васильевича.

Эти строки – штрихи к портрету Игоря Васильевича, который всегда считал, что популяризация достижений науки – главное дело каждого истинного учёного.

Не было людей, которые были ему безразличны

Читаю письмо, написанное писателем А. Марейным из Дагестана на четырёх страницах, которое кончается словами “Помогите!”. Он пишет, что выступление Игоря Васильевича в Союзе кинематографистов СССР по поводу охраны природы побудило его обратиться к Игорю Васильевичу с просьбой-надеждой о помощи в защите уникальной природы его замечательного края. Писатель перечисляет огромное число вопиющих фактов об осушении, например, Астраханского залива Каспийского моря, где было пристанище осетров, место гнездовой и зимовки водоплавающих птиц из стран Азии и Африки, что привело к засолению пастбищ; о вырубке лесов, прославленных в “Хаджи-Мурате”, “Казаках”; о браконьерстве, осуществляемом с участием работников Государственной охотничьей инспекции Дагестана. Перечисляются фамилии и конкретные факты. Что делает Игорь Васильевич? При всей своей безумной занятости, “удалённости” Дагестана, незнании с автором письма, Игорь Васильевич пишет письмо в Прокуратуру СССР и в Министерство сельского хозяйства. Ответ (7.09.1978) из Прокуратуры СССР приходит по домашнему адресу Игоря Васильевича. В нём подтверждаются “факты нарушения законодательства об охране природы”. По ним приняты меры прокурорского реагирования. Этот документ рассмотрен на заседании комиссии Верховного Совета Дагестанской АССР по сельскому хозяйству и охране природы. Намечены конкретные меры, направленные на устранение нарушений природоохранительного законодательства.

Это один из бесчисленных фактов помощи людям, которые не могут молчать, быть равнодушными.

Он восхищался своими друзьями

“Служить людям” – так называлась одна из статей Игоря Васильевича. Его замечательным качеством было видеть самое хорошее, что есть в каждом человеке, рассказывать об этом другим, восторгаясь какой-то одной характерной чертой и не сосредотачиваясь на недостатках человека. Меня всегда удивляло, какие замечательные люди его окружают. После того как Игоря Васильевича не стало, эти люди остались и со мною. Не так давно я поняла, что “плохие” люди к нему не “приживались”, или он им был не интересен, или как-то мягко он их сам отталкивал. Не знаю.

Наверное, к Игорю Васильевичу очень точно подходит высказывание И. Гёте: “Чтобы быть достойным человеком, признай достоинство других”.

И он действительно искал, опирался, уважал достоинство каждого человека, с которым ему приходилось общаться. Игорь Васильевич многих людей называл своими друзьями. Вероятно, в понятие дружбы он вкладывал взаимную симпатию, близость взглядов, какие-то качества, которыми он особенно восторгался. Поэтому друзей у него было много. Перечислять всех невозможно. Напишу о тех, кого уже нет с нами. Игорь Васильевич буквально поклонялся Леониду Максимовичу Леонову. За его талант, за высочайшую стилистику русского языка, его гражданскую позицию, его постоянное страдание за страну. Леонид Максимович был одним из основателей ВООПиКа. Мы бывали у него и в московской квартире, и на даче в Переделкино. Говорили подолгу и обо всём. Он подробно рассказывал, как бывал на обедах у М. Горького в его особняке Рябушинских, на которых часто присутствовали И. Сталин, Н. Бухарин, К. Ворошилов и другие. Как постепенно из числа приглашённых навсегда исчезали люди, например, Н. Бухарин. Леонид Максимович накануне визита к нему М. С. Горбачёва (в связи с 90-летием писателя) советовался-делился с нами своей тревогой, стоит ли говорить генсеку о том, что курс у него неправильный, что он делает очевидные ошибки. Потом, когда мы увиделись после визита Горбачёва, Леонид Максимович снова сказал, что он пытался говорить с ним откровенно, но Горбачёв ничего не понял. Леонов считал, что Россию спасет чувство патриотизма, если оно возродится у людей, и Православие.

В этой связи хочется подчеркнуть, что с самого начала основания альманаха “Памятники Отечества” Л. М. Леонов был членом редсовета и очень приветствовал такое издание, где впервые за много-много лет появились публикации о церквях, об исторических памятниках, о замечательных людях.

Когда Игорю Васильевичу исполнилось 80 лет, Леонид Максимович подарил ему своё полное собрание сочинений, каждый из 10-ти томов которого был им подписан. Леонид Максимович много рассказывал о болгарской прорицательнице Ванге. Он был у неё несколько раз. Абсолютно все её предсказания сбылись, вплоть до пожара в доме Леонида Максимовича. Он говорил, что единственное, в чём, вероятнее всего, ошиблась Ванга, — это предсказание, что его самый главный роман — “Пирамида” — будет опубликован при его жизни. “Я никак не могу закончить этот роман, он очень сложный, многоплановый, я его без конца переделываю”, — говорил Леонид Максимович. Действительно, трудно верилось, что эта громадная книга, учитывая тщательность автора в построении каждой фразы, мысли, будет когда-нибудь закончена. И вдруг книга кончена и опубликована в приложении к журналу “Наш современник”. И здесь Ванга оказалась права! Через несколько дней после выхода романа в свет Леонид Максимович скончался во сне.

С академиком Анатолием Петровичем Александровым Игоря Васильевича связывали очень тёплые отношения. Они много раз ездили вместе в командировки по “атомным” делам. Однажды поехали на Урал глубокой зимой. После тяжёлых, занятых работой дней Игорь Васильевич и Анатолий Петрович решили принять участие в охоте. Снег глубокий, проваливались, но шли вперёд и вперёд. Вдруг кто-то из сопровождающих взволнованно говорит: “А где Анатолий Петрович?” Начали звать, искать, нигде нет. Все в панике. Академик пропал. Как будто его и не было. Через какое-то время все взбудораженные находят Анатолия Петровича. Он тихо сидит в глубоком сугробе. Его спрашивают, что же он не откликнулся? Он, смеясь, отвечает: “Я же знал, что вы меня всё равно найдёте, не бросите”.

Фёдор Дмитриевич Поленов, внук знаменитого художника, пять лет был председателем ВООПиКа и снискал любовь и уважение всех, с кем он соприкасался. Он пригласил нас на юбилейный вечер, посвящённый памяти своего деда, в Малый театр. В другой раз мы были приглашены им в посольство Франции, в котором дети из ближайших к Поленову сёл (Бёхово и др.) принимали участие в детском спектакле, показанном для детей посольских служащих. Спектакли для детей, поставленные женой Фёдора Дмитриевича Натальей Николаевной, являются традиционными для Поленово. Традиция не прерывалась и идёт от деда, который устраивал и ёлки для деревенских ребятишек. О Наталье Николаевне нужно сказать особо. Она была много лет директором Поленовского музея-усадьбы. Это просто сгусток энергии, неиссякаемый источник доброжелательности. Про таких женщин Н. Некрасов сказал: “Коня на скаку остановит, // В горящую избу войдёт”. К ней из села приходят все — кто за советом, кто за лекарством, кто за чаем (около Поленово нет близко продовольственных магазинов). И никому никогда нет отказа. Могут это утверждать, потому что была гостией этой семьи и жила там несколько дней.

Глубочайшая интеллигентность Фёдора Дмитриевича проявлялась во всём. Но что меня не просто поразило, а потрясло — это экскурсия по Поленовскому музею. Фёдор Дмитриевич, во-первых, занятой человек, пишущий очень интересные книги по русской культуре; во-вторых, он уже тогда был не очень здоров — сердце. Тем не менее, он лично в течение более двух часов показывал мне всё наиболее интересное в музее. Я была единственным экскурсантом. Мне было очень неловко. Но все мои робкие попытки хотя бы сократить его неутомимый показ и рассказ заканчивались полным непониманием. Он считал, что если я его гостья (И. В. уже не было), то он должен сам провести полную экскурсию. От Фёдора Дмитриевича просто струилась какая-то доброта, спокойствие, внимательность.

У Игоря Васильевича была привычка: во время сессии Академии наук “прихватывать” кого-нибудь домой на обед. Это было всегда неожиданно. И вот однажды — звонок в дверь, открываю и вижу Игоря Васильевича с академиком Никитой Ильичом Толстым — праправнуком Л. Н. Толстого. Никита Ильич — высокий, с седой бородой и с небольшими светлыми глазами, очень похожий (или это только от знания, кто он?!) на Льва Николаевича. Игорь Васильевич и Никита Ильич садятся поговорить в кабинете, а я хлопочу на “обеденную тему”. Приглашаю к столу в комнату. Никита Ильич вдруг спрашивает меня: “А что, Вы хотите меня обидеть?” Трудно передать моё состояние: вижу в первый раз, счастлива познакомиться, много слышала о нём, и вдруг такое... Он продолжает дальше: “Где Вы обедаете обычно?” Я отвечаю: “На кухне”. А он: “Почему же Вы меня приглашаете в комнату, на кух-

не – лучше”. Вот такая необыкновенная простота и нежелание причинить какие-то дополнительные сложности. Ещё один штрих к его портрету. Когда Игорь Васильевич и Никита Ильич, будучи членами делегации, возвращались из Италии с торжеств, посвящённых 1000-летию христианства на Руси, оказалось, что за Игорем Васильевичем была послана машина-микроавтобус. Поэтому мы развозили по домам всех членов делегации (писателей В. Распутина, В. Крупина и др.). Пока мы ехали из аэропорта Шереметьево, встречалось по дороге много церквей. И каждый раз Никита Ильич встретился и кланялся. Для него, его облика, это было удивительно естественно.

Ещё один яркий человек в окружении Игоря Васильевича – В. Д. Захарченко. Несколько десятилетий он был главным редактором журнала “Техника – молодёжи”, а в последние годы создал и возглавлял очень оригинальный журнал “Чудеса и приключения”. Василий Дмитриевич был очень доверчивым человеком. Возможно, по этой причине иногда он поддерживал в своём журнале людей с сомнительной репутацией или истолковывал известные факты в новом, неожиданном ключе. Так, он представил на каком-то из вечеров этого журнала “наследника” царского престола, сына царевича Алексея Романова-Дальского, который в своём выступлении говорил, как в 1918 году его отцу удалось спастись. Он даже раздавал княжеские титулы. Он производил впечатление культурного, образованного, мягкого человека, и невольно возникал вопрос: зачем ему всё это нужно?

Но возвратимся к образу В. Д. Захарченко. Он был поэт, писатель, горнолыжник, путешественник, горячий патриот, собиратель вокруг себя интересных людей. Ему принадлежит изумительное стихотворение, пронизанное истинной любовью к нашей стране:

*О, родина, за всё меня прости!
За нищету при сказочном богатстве,
За ложь у вечной правды на виду,
За то, что потонула в казнокрадстве,
За то, что я беду не отведу.
За то, что, позабыв родные песни,
Талдычишь зарубежный тарарам.
Но всё равно,
Хоть лопни ты, хоть тресни,
Я никому Россию не отдам!
Хочу домой...
Влеком магнитной силой,
Ползу, бегу, лечу к тебе всегда
На вечный зов моей Отчизны милой...*

Много лет 1 августа, в день его рождения, мы с Игорем Васильевичем бывали приглашены в летний дом Захарченко и ехали на речном пароходе или, реже, на машине в Аксаково, где у них была в деревне обычная крестьянская, очень уютная изба с длинным столом, уставленным всякими яствами. Однажды я познакомилась там с избретенателем, который из старых выброшенных машин сделал великолепный лимузин-амфибию. Я была первой, не побоявшейся с небольшой горки съехать с водителем на машине прямо в речку и, к восторгу деревенской детворы, мирно поплыть против течения.

В доме Василия Дмитриевича мы познакомились и подружились с космонавтами В. Джанибековым и В. Аксёновым; экс-чемпионом мира по шахматам Смысловым, который, между прочим, прекрасно пел; с народным артистом СССР Н. И. Некрасовым и его женой.

В этом же доме мы много беседовали с министром культуры РФ в советские времена В. С. Мелентьевым, которому мы все обязаны возрождением народных промыслов, прекрасными книгами о “Золотом кольце”, изданием Евангелия с иллюстрациями палехских мастеров. Он был неутомимым пропагандистом русской культуры, высокообразованным, добрым человеком.

Всех этих разных по своим интересам и профессиям людей умел объединять Василий Дмитриевич Захарченко, для каждого находил какие-то добрые, но характерные именно для этой личности слова.

К плеяде замечательных людей, которые были в окружении Игоря Васильевича, безусловно, принадлежит академик А. Л. Яншин, с которым Игорь Васильевича связывали очень тёплые отношения. А. Л. Яншин, как и Игорь

Васильевич, был активным членом ВООПИК, знатоком русской истории, глубоко понимающим проблемы культуры. Незабываемо для меня посещение Александром Леонидовичем и Игорем Васильевичем Крутицкого подворья – второго Кремля Москвы, в прошлом – духовного центра Российского государства. Первый раз мы были в Крутицах в 1976 году, убежав с очередной сессии Академии наук. Тогда под руководством реставратора-архитектора П. Д. Барановского шли интенсивные работы по реставрации Крутицкого подворья. Постройки внутри и снаружи были покрыты лесами. Нас вначале не хотели пускать, но потом кто-то из строителей, узнав Игоря Васильевича и Александра Леонидовича, пригласил нас внутрь. Даже трудно вообразить, как лихо Игорь Васильевич и Александр Леонидович, который недавно начал только ходить после перелома ноги, прыгали с одной шатающейся доски на другую, рассказывали друг другу, что здесь было и что должно быть. Я была в предельном напряжении, потому что понимала: если кто-то из них упадёт, то я не смогу его поднять и вытащить из тех катакомб, в которых мы находились.

В Крутицах с Александром Леонидовичем мы бывали много раз – случайно или специально, потому что и Игорь Васильевич, и Александр Леонидович – оба – были обеспокоены судьбой этого знаменитого места Москвы, особенно после того, как не стало П. Д. Барановского. Между прочим, в наше смутное время бесконечно говорят о том, что большевики разрушали храмы. А вот Крутицкое подворье почти наполовину было разрушено при Екатерине II, на части территории была создана гауптвахта. Внутренним смыслом этого “деяния” было показать, что светская власть выше духовной, сосредоточие которой и было напротив Кремля в Крутицах. Кстати, Екатерина сделала “безликим” и храм Казанской Божьей Матери на Красной площади, приказав разрушить апсиды и выкрасив его в белый цвет (он был красно-огненный, как реставрирован сейчас по записям Барановского, который сделал чертежи храма “доекатерининской” эпохи). С Александром Леонидовичем мы были на одном из первых духовных концертов в Нарышкинском храме в Филях; несколько раз были у него дома, он тоже бывал у нас. И когда я слушала их беседы, то всегда поражалась их единомыслию, их одинаковому видению проблем (например, о чём уже было сказано, о повороте северных рек). Последний раз я видела Александра Леонидовича на заседании ВООПИК, когда уже не было Игоря Васильевича. Ему было трудно ходить, я проводила его до машины...

Он не умел быть равнодушным. Визит к митрополиту Питириму

После многолетнего ремонта открылась Третьяковская галерея, и Президиум общества охраны памятников истории и культуры был приглашён ещё до официального открытия посетить галерею. Мы с Игорем Васильевичем и другими членами Президиума медленно двигались из зала в зал, встречаясь со знакомыми картинами с каким-то новым чувством восхищения. Останавливаемся с Игорем Васильевичем перед иконой Владимирской Божьей Матери, и оба чувствуем, что оторваться от неё невозможно, понимаем, что это – шедевр шедевров. Икона плотно упакована в раму со стеклом. Игорь Васильевич внимательно рассматривает “упаковку” и вдруг говорит, что воздух, наш агрессивный московский воздух, попадает внутрь, и икона может разрушаться, особенно если учесть, что в большие праздники её выносят на службу в церковь Николая в Толмачах, где и влажность, и температура другие. “Придётся идти к митрополиту Питириму, – сказал Игорь Васильевич, – и объяснить ему необходимость герметизации этой уникальной иконы ФП”.

Через несколько дней мы были на Погодинке, в резиденции митрополита Питирима. К сожалению, продолжительный разговор с ним не окончился пониманием проблемы. Митрополит Питирим был необыкновенно любезен, но посчитал, что икона надёжно защищена, и он не видит необходимости менять конструкцию защиты, посоветовав при этом обратиться к директору Третьяковской галереи. Через несколько дней мы посетили также и очень любезного директора, но – увы! – с тем же результатом. Игорь Васильевич был опечален, что “хранители” реликвии не в состоянии осознать, что не сразу, но через 10–15 лет икона будет нуждаться в реставрации. Не помогли доводы, что в Кремлёвских музеях, в частности, Оружейной палате, все экспонаты защищены ФП, а раньше шапку Мономаха, например, ежегодно выбывали чуть ли не палкой от всепроникающей пыли.

Казалось бы, какое дело Игорю Васильевичу, человеку, чрезвычайно занятому, уже немолодому (но молодому духом!), до иконы. Но он не мог иначе. Всегда делал всё, что считал необходимым для сохранения, защиты, сбережения реликвий.

На одном из вечеров воспоминаний об Игоре Васильевиче директор Института физической химии им. Карпова рассказал, что в “гайдаровское” смутное время, когда всё рушилось, а наука превращалась в ненужный предмет, Игорь Васильевич каждую неделю приходил к нему с единственным вопросом: чем он может помочь институту. Таким путём, с помощью Игоря Васильевича, удалось достать для института ксерокс, факс и т. п.

Игорь Васильевич не мог оставаться безразличным, равнодушным не только к людям, но и к делам, которые он считал своим долгом делать.

Учителя

Сейчас как-то померкло понятие “учитель”. Меняются, к сожалению, нравственные ориентиры, исчезает чувство признательности, благодарности, а именно они являются непременными атрибутами культурного человека. Игорь Васильевич писал: “Учитель – понятие святое. Высокая должность. Она подразумевает обязательно хорошего, порядочного человека...” Игорь Васильевич вспоминал своего школьного учителя арифметики, который давал пример великой любви к ученикам, бесконечного терпения. Когда Игорь Васильевич защитил диссертацию, поспешил к нему. Дал телеграмму, когда получил государственную награду.

Школьный учитель русского языка Н. Н. Волков был и крупным учёным-искусствоведом, художником (его акварели есть в Третьяковской галерее). Этот учитель не только научил писать сочинения, но и почти все его ученики становились “поэтами”. Игорь Васильевич был тесно связан с ним до конца его жизни, а потом дружба продолжилась с его женой – скульптором О. В. Кванихидзе. Она автор памятника Прянишникову около Тимирязевской академии. Бюст её работы стоит на могиле Игоря Васильевича. Мы были у неё на 95-летию, вспоминая учителя Игоря Васильевича – Н. Н. Волкова, о котором всегда говорили восторженные слова.

Игорь Васильевич часто и тепло вспоминал своих учителей в университете, всех их просто невозможно перечислить. Смешная история с академиком А. Н. Бахом была рассказана Игорем Васильевичем в передаче профессора С. П. Капицы “Очевидное – невероятное”. Как-то раз жаркой летней ночью Игорь Васильевич со своим товарищем ставили в Институте опыты. Горели горелки, что ещё больше повышало температуру. Они решили раздеться совсем – так легче было работать. Вдруг они слышат шаги, и догадываются, что, вероятнее всего, это директор Института А. Н. Бах, который в то время жил в стенах Института физической химии им. Карпова. Мгновенно они принимают решение спрятаться и лезут под стол. Открывается дверь, входит А. Н. Бах, видит горящие горелки, никого нет, стоит немного и выходит. Игорь Васильевич идёт на то место, где стоял директор, и убеждается, что он видел их, голых, под столом и тактично ничего не сказал, чтобы не смущать.

Наверное, невозможно перечислить огромное число рассказов о замечательных учителях, которых он всегда с благодарностью вспоминал.

Так хотелось бы, чтобы нынешнее поколение сумело ценить то, что оно получило от своих учителей – людей, которые дают не только знания, но и учат думать и, надеюсь, использовать свои знания на благо людей.

Таинственные совпадения

Игорь Васильевич родился в селе Большая Якшень Горьковской (Нижегородской) области. С родителями он часто ходил на богомолье в Саровский монастырь. Величие храмов, песнопения, таинственные лики святых – всё это врзалось в память маленького мальчика и воспринималось, как дивное чудо.

Много-много лет спустя, когда Игорь Васильевич был поглощён научными разработками по защите от атомной радиации, ему сказали, что он должен выехать в один закрытый город. Для этого со своим сотрудником П. И. Басмановым он должен приехать в аэропорт Быково и сесть на скамейку. Они так и сделали. К ним подошёл человек и повёл к самолёту. Через некоторое время

самолёт приземлился, их встретили и повели на объект. Спустя некоторое время Игорь Васильевич говорит своему спутнику под секретом: “Я знаю, где мы находимся. Я узнал Саровский монастырь”. Это был, как мы теперь знаем, Арзамас-16. Игорь Васильевич впоследствии бывал в этих местах много раз.

Игорь Васильевич похоронен на Донском кладбище. Тогда, более пяти лет назад, в середине кладбища возвышалось здание крематория (оно уже тогда не функционировало). Однако через год это здание начали переделывать в храм, который теперь уже работает. Каково же было моё удивление, когда оказалось, что эта церковь – единственная в Москве церковь Серафима Саровского!

Эти удивительные совпадения напомнили мне нечто подобное с А. Ахматовой. В Ленинграде она долгое время жила в Фонтанном доме, некогда принадлежавшем графу Шереметьеву. Когда Анна Андреевна скончалась, то прощание с нею было в морге больницы Склифосовского, как известно, построенной Шереметьевым как странноприимный дом. В Ленинграде прощание с А. Ахматовой было в Доме учёных, также принадлежавшем ранее графу Шереметьеву.

Такие совпадения – что это?..

Предчувствие

В жизни много загадочного. Некоторые люди обладают даром предвидения. Многократно описано, что даром прозорливости обладали все знаменитые старцы Оптиной пустыни (Антоний, Илларион, Амвросий, Анатолий и др.). Из мирских людей это свойство присуще было многим поэтам: Ф. Тютчеву, А. Блоку, А. Ахматовой, Н. Гумилёву, которые в своих стихах предсказывали будущее страны, своих близких, даже свои последние дни. Так, Н. Гумилёв писал:

*И умру я не на постели,
При нотариусе и враче,
А в какой-нибудь дикой щели,
Утонувшей в густом плюще.*

Французский поэт Аполлинер предвидел своё ранение в голову, которое свело его в могилу:

*Минерва рождена моею головой,
Кровавая звезда — венец мой неизменный.*

За месяц до роковой дуэли М. Ю. Лермонтов написал:

*С свинцом в груди лежал недвижим я;
Глубокая ещё дымилась рана;
По капле кровь точилась моя...*

Мне хочется рассказать о двух случаях в жизни Игоря Васильевича.

Накануне 1996 года к нам домой пришёл один из ближайших учеников Игоря Васильевича П. И. Басманов и попросил, чтобы Игорь Васильевич сказал что-нибудь новогодне-поздравительное сотрудникам руководимого им отдела (в этот день Игорь Васильевич неважно себя чувствовал и не мог пойти, как бывало ранее, на Новогодний праздник в институт). Включили магнитофон, Игорь Васильевич сказал много тёплых слов и пожеланий в адрес сотрудников и вдруг в последней фразе поздравляет всех с наступающим 1966 годом. Удивился и сам Игорь Васильевич. Выключили магнитофон. Почему-то мне стало ясно, что Игорь Васильевич, как говорят психологи, вытесняет 1996 год, и у меня мелькнула ужасная мысль, что это горькое предчувствие. А вспомнился 1966 год неслучайно: это был удачный год в его жизни. Он стал академиком и получил Ленинскую премию. В 1996 году Игорь Васильевич скончался.

Второй случай. На даче 18 мая 1996 года мы с Игорем Васильевичем гуляем по лесу. Прошу почитать стихи, и он читает:

*Уедем, бросим край докучный
И каменные города,*

*Где вам и холодно, и скучно,
И даже страшно иногда.*

Я запомнила эти строки, хотя раньше не знала этого стихотворения. Других стихов он читать не захотел, предложил ещё погулять, но меня искушали комары, и я попросилась домой.

19 мая Игоря Васильевича не стало.

Я не знала, кто автор этих стихов, но мне казалось, что Гумилёв. Оказалось, именно так. Конец этого стихотворения такой:

*Когда же Смерть, грустя немного,
Скользя по роковой меже,
Войдёт и встанет у порога,
Мы скажем Смерти: “Как, уже?”
И, не тоскуя, не мечтая,
Пойдём в высокий Божий рай,
С улыбкой ясной узнавая
Повсюду нам знакомый край.*

“Пытайся, пытайся...”

Однажды на дружеской встрече с оркестром народных инструментов “Боян” под управлением народного артиста СССР А. И. Полетаева Игорь Васильевич выразил сожаление, что исполняемая певицей народная песня “Лучинушка” на самом деле более длинная, а короткая интерпретация искажает её глубинный смысл. Он сказал, что может пропеть эту песню целиком. И запел. Все были поражены. Песня была длинной, когда он кончил, спросили, откуда он знает слова. Он ответил, что помнит их с детства. Память у него была великолепная. Ещё больше был удивлён А. И. Полетаев тем, насколько точным в музыкальном отношении было исполнение Игоря Васильевича. Голос у Игоря Васильевича был небольшой, но тембр очень приятный. Стали просить его спеть что-то ещё. Он, как оказалось, знал много народных (и не только) песен. Под конец Игорь Васильевич исполнил шуточную песню про зайку, которая заканчивалась словами: “Пытайся, пытайся, пытайся у ворот!” Главное в этой песне – не нужно отступать, надо пытаться открыть ворота. Хочется пожелать нам всем не отступать, а добиваться желаемого!

Двойка за экзамен на значок ПВХО

Сразу после Великой Отечественной войны в СССР была организована поголовная сдача экзаменов по основам противохимической защиты. К Игорю Васильевичу, который тогда уже был профессором, пришёл молоденький лейтенант и попросил рассказать об устройстве противогаза. Игорь Васильевич обстоятельно всё рассказал. “К сожалению, профессор, Вы не знаете ответа на этот вопрос”, – с улыбкой сказал лейтенант. “В таком случае, – сказал Игорь Васильевич, – я могу рассказать об устройстве другой модели противогаза”. Игорь Васильевич изложил данные по двум моделям, но лейтенант резюмировал, что профессор экзамена не сдал. Игорь Васильевич был удивлён, растерян и не знал, что сказать. За создание новой модели противогаза Игорь Васильевич несколько лет назад был награждён орденом Ленина.

Post scriptum

Сократу принадлежит очень точный ответ на вопрос: “Какое из чувств уходит из памяти первым?” Его ответ: благодарность. Моё глубокое убеждение, что благодарность – это элемент высокой культуры человека, которая, к сожалению, свойственна далеко не всем. Поэтому это чувство встречается достаточно редко. Игорю Васильевичу повезло. Его ученики, коллеги, люди, с которыми он сотрудничал в разных научных и общественных организациях, с благодарностью чтут его память. Каждые два года в Институте физической химии им. Карпова проводятся “Петряновские чтения”, на которых заслушивают научные доклады и обязательно вспоминают эпизоды из научно-общественной деятельности Игоря Васильевича. Организаторами этих чтений были профессор Ю. Н. Филатов, который теперь успешно руководит отделом

Игоря Васильевича и которому удалось в последние годы в труднейших для Института условиях организовать экспериментальное производство ФП, развивать научные исследования, привлекая к этим работам молодёжь. Огромный вклад в организацию чтений внесли недавно ушедший П. И. Басманов, профессор А. В. Будыко и многие другие ученики Игоря Васильевича. Я им всем бесконечно благодарна. У нас есть “обязательные” дни для встреч с профессором Б. Ф. Садовским, профессором Б. И. Огородниковым, кандидатом наук А. В. Шепелёвым — это 19 мая, день кончины Игоря Васильевича, и 18 июня — день его рождения, а также “необязательные” встречи. Со всеми учениками Игоря Васильевича у меня сохранились самые тёплые дружеские отношения. Игорь Васильевич всегда гордился своими учениками, и я благодарна судьбе, что его, а теперь и меня окружают такие замечательные благородные люди.

В 2012 году Российским союзом химиков была выпущена Золотая медаль академика И. В. Петрянова, которой наградили академиков А. Л. Бучаченко, Б. Ф. Мясоедова, П. С. Голицына, Л. А. Ильина, а также учеников Игоря Васильевича, проработавших с ним долгие годы.

Воспоминания о себе, своём деле, об Игоре Васильевиче и его делах в серии “Творцы ядерного века” (1999), составителем которой был ученик Игоря Васильевича профессор, лауреат Ленинской премии Б. И. Огородников, написаны с глубокой любовью многими людьми: академиками А. Л. Бучаченко, Н. А. Платэ, Б. Ф. Мясоедовым, Л. А. Ильиным и др.; писателем и публицистом В. О. Осиповым, хранителем музея-заповедника “Поленово” Ф. Д. Поленовым, народным артистом СССР А. И. Полетаевым и др. В этой книге опубликованы некоторые стихотворения Игоря Васильевича, печатавшиеся ранее в книге “Муза в храме науки”, его прозаические произведения “Память — это совесть”, “Ирик”, “Природа всегда права” и др. В 2007 году опубликованы его “Избранные труды”. Замечательный писатель-публицист В. О. Осипов, который, будучи редактором издательства “Раритет”, опубликовал повторно книгу Игоря Васильевича “Самое необыкновенное вещество” (1998), позже посвятил Игорю Васильевичу главу в своей книге “Корифеи моего времени” (2013). Шуваловым, заместителем Игоря Васильевича по Обществу книголюбов, написана книга “Мгновения общения” (1998), которая начинается с главы об Игоре Васильевиче. В 2009 году была опубликована замечательная книга Н. А. Платэ “О моих учителях и друзьях в химии и в жизни”, в которой отдельная глава “Феномен Петрянова” посвящена Игорю Васильевичу. Мною написана книга воспоминаний об Игоре Васильевиче “С тобой... и без тебя” (2007), которая была удостоена Союзом писателей России премии “Имперская культура”; статьи в книге “Реставратор всея Руси” (2010) “Ямщики, Петрянов и Марк Аврелий” и “Несколько слов о “Лепестке” в книге “Лепесток” (2015).

В “Литературной газете” (2015, № 49) была опубликована статья В. Бондаренко “Русская партия Советского Союза”, в которой также было написано об Игоре Васильевиче как одном из организаторов ВООПиКа. Однако, к сожалению, автором было допущены две ошибки. Во-первых, было написано, что Игорь Васильевич был первым председателем ВООПиКа, тогда как им был первый зам. председателя Правительства РФ В. Кочемасов. Во-вторых, Игорь Васильевич будто бы был учёным, “всю жизнь занимавшимся созданием боевых отравляющих веществ”. Дело в том, что Игорь Васильевич всегда из принципиальных соображений работал только для защиты и создания безопасности для людей. И в “Атомном проекте” — только для защиты людей от действия радиоактивных веществ, хотя и с глубоким уважением относился к учёным — создателям атомной бомбы. Когда я сказала об этом В. Бондаренко, он опубликовал прекрасную статью “Защитник всего живого” в газете “День литературы” (2016, № 6) с извинениями за “оплошность”. Хочется процитировать последнюю фразу из этой работы: “На мой взгляд, академик Петрянов — один из главных защитников России в нашем трагическом XX веке. Думаю, миллионы людей, спасённых фильмами Петрянова, “лепестками” Петрянова, должны теперь подать свой голос за установку памятника Игорю Васильевичу в Москве, у Института Карпова, как спасителю всего живого, в том числе и памятников истории и культуры старой Москвы”.